

Детство и юность Аланы были похожи на сказку. Маленькая принцесса имела все: роскошь, дорогие украшения, платья и прекрасное образование.

Совсем неожиданно оказывается, что она действительно наследница трона одной маленькой горной страны. Многие придворные считают Алану самозванкой. Только на красавца Кристофа Бекера, мужественного капитана дворцовой охраны, может положиться принцесса. Его крепкое плечо становится опорой для хрупкой Аланы. Но девушка еще не знает, что он тоже не верит ей. Чтобы выведать всю правду, Кристоф заманивает наивную Алану в сети страсти, и она добровольно сдается в этот сладкий плен...

«Она тщетно пыталась успокоить внезапно вспыхнувшие чувства, доводящие до трепета, до полуобморочного состояния; вызывающие внутренний жар, от которого вся кожа сделалась горячей. Но слишком трудно противостоять собственным желаниям — Алана была вся охвачена вожделением. Только он сам мог остановить это наваждение, и она слишком крепко обнимала его за шею, шепча: "Мы не уснем. Ничего удивительного в том, что его губы постепенно добрались до шеи Аланы, и по ее телу побежали мурашки"».

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5086-4

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5031-4

ДЖОАННА ЛИНДСЕЙ

Когда правит страсть

В огне
страсти

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Когда правит страсть

JOHANNA
LINDSEY

*When
passion rules*

a Novel

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Когда правит
страсть*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111-31(73)
Л59

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

First published by Gallery Books,
a Division of Simon&Schuster, Inc.

Переведено по изданию:
Lindsey J. When Passion Rules / Johanna Lindsey. —
New York, 2011.

Перевод с английского *Сергея Майдукова*

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

ISBN 978-617-12-5086-4 (серия)
ISBN 978-617-12-5031-4
ISBN 978-1-4516-2837-1 (англ.)

- © Johanna Lindsey, 2011
- © Jon Paul, обложка, 2018
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Пролог

Леонард Кастнер давно подумывал о том, чтобы окончательно отойти от дел. Настал час претворить намерения в жизнь. Самое подходящее время. Благодаря своим способностям, Кастнер сколотил состояние, о котором в молодости и мечтать не мог. Он находился на пике своей карьеры, имел безупречную репутацию, ни разу не отказавшись от работы. Его клиенты знали это. Детали не имели значения. В половине случаев они не оглашались, пока он не давал согласия на выполнение работы. Но этот человек находил свое занятие все более и более неприятным и постепенно терял хватку. Когда тебе на все наплевать — ничего не имеет значения. И лишь стоит задуматься о том, что делаешь, как сразу возникают сомнения.

Накопленное состояние уже давно превысило его потребности, больше не было необходимости рисковать, а значит, и выполнять эту работу. Но ему предложили столько денег, что невозможно было отказаться, — больше, чем он заработал за последние три года, причем половину суммы выплатили вперед. И неудивительно, что гонорар был столь щедрым! Это один из тех редких случаев, когда посредник, нанявший его, сначала потребовал от Леонарда полного согласия, а потом уже изложил суть дела.

Прежде ему никогда не доводилось убивать женщину. Однако завершить карьеру ему предстояло более гнусным преступлением — убийством ребенка. И не просто ребенка, а наследницы трона. Политическое убийство? Мечь королю

Фредерику? Леонарду не объяснили, да и не волновало его это: где-то на жизненном пути он утратил человечность. Это всего лишь очередная работа. Нужно просто повторять это про себя. И почаще. Он ведь не собирается закончить карьеру *провалом*. Если Леонард и находил это поручение омерзительным, то лишь потому, что любил короля и свою страну. Но у Фредерика наверняка появятся новые наследники, как только окончится траур и он снова женится. Он был еще достаточно молод.

Пробраться во дворец среди бела дня не составляло труда. Ворота дворца, расположенного во дворе старой крепости, возвышавшейся посреди столицы Лубинии, редко бывали закрыты. Они, разумеется, охранялись, но мало кому запрещался вход, даже когда король находился в своей резиденции. Сейчас его там не было. Четыре месяца назад, сразу после похорон королевы, он уехал оплакивать ее в уединении в своем зимнем замке в горах. Она умерла всего несколько дней спустя после того, как родила ему наследницу, которую кто-то желал видеть мертвой.

Леонарда остановили бы у ворот, если бы он хоть чем-то выдал себя, но этого не случилось. У него была скверная биография, от которой он скрывался под фальшивым именем Растибон. За его голову была назначена награда и в его стране, и в нескольких соседних. Однако никто не знал, как выглядит Растибон. Он был очень осторожен в этом отношении — всегда надевал капюшон, встречаясь с нужными людьми в темных переулках, и менял голос при необходимости. Леонард мечтал прожить остаток дней на родине, и чтобы никто не заподозрил, каким образом приобретено его богатство.

Кастнер обитал в зажиточном квартале столицы. Хозяин его квартиры и соседи не были людьми чересчур любопытными, а если и спрашивали, кем он работает, то туманный ответ, что он занимается экспортом вин, вполне их устраивал и объ-

яснял его частые отлучки из страны. В винах он разбирался. О винах он мог говорить часами. Но давал понять, что у него нет времени на пустые разговоры, поэтому прослыл неприветливым типом, которого лучше оставить в покое, чего он, собственно, и добивался. Человек его профессии не может позволить себе заводить друзей, занимающихся другим делом. Но и среди коллег непременно возникает конкуренция, что в свою очередь также препятствует сближению.

Проникнуть в то крыло, где размещалась детская, было нелегко, но Леонард все предусмотрел. Он разузнал, кто именно из женщин присматривает за наследницей Фредерика, и выбрал своей мишенью ночную няню.

Ее звали Хельгой. Это была непривлекательная молодая вдова, недавно родившая ребенка, которого до сих пор кормила грудью, поэтому и получила работу во дворце.

Кастнеру потребовалась всего неделя, чтобы затащить ее в постель во время одного из ее непродолжительных выходов в город, где жила ее семья. Леонард был приятным молодым человеком лет тридцати, довольно красивым, с темно-каштановыми волосами и голубыми глазами, он еще сохранил обаяние, которым обладал до того, как стал хладнокровным убийцей. Разумеется, он знал, что ему придется убить и Хельгу тоже, чтобы потом без опасений жить на родине. Если сохранить ей жизнь, то впоследствии она могла бы его узнать.

Леонарду потребовалось еще три недели, чтобы договориться с Хельгой о свидании в ее комнате, расположенной в том же крыле дворца, где размещалась детская. В ту ночь вторая няня должна была отсутствовать, поскольку взяла выходной. Хельга заверила Леонарда, что после заката никто не заходит на детскую половину, кроме двух стражников, совершающих обходы дважды за ночь, хотя сама все равно боялась потерять работу, если кто-нибудь обнаружит там ее ухажера. Кроме того, по ночам количество стражников, охраняющих дворец, удваивалось. Но в конечном итоге

возобладала страсть, и необходимые двери были оставлены открытыми для Кастнера. Ему пришлось лишь ненадолго спрятаться, пока два стражника не покинут детские покои.

Но все-таки он не убил ту женщину, хотя это было бы самым логичным поступком. Он представился ей очередным фальшивым именем не для того, чтобы скрыть готовящееся преступление, но чтобы помешать ей или кому-нибудь еще установить связь между Леонардом Кастнером и Растибонном. Скрывать преступление он и не собирался. Тот, кто заказал убийство, должен был о нем услышать. И не было никакой необходимости убивать няньку, если можно просто на время отключить ее, подсыпав сонного зелья в вино. Но даже об этом он пожалел на мгновение.

Мужчина успел привязаться к Хельге за месяц их знакомства, что в корне изменило его первоначальный план. Это означало, что Леонард больше не сможет жить в родной стране, где велика вероятность быть узанным ею. Но сегодня он поспешно принял такое решение, а единственный снотворный порошок, который сумел раздобыть в срочном порядке, был ему незнаком, так что он не знал, сколько будет продолжаться его действие, и должен был торопиться. В последнюю минуту он решил связать Хельге руки за спиной, чтобы никто не заподозрил ее в причастности к преступлению. Но хуже всего, что он не смог заставить себя убить дитя в детской, где женщина, проснувшись, увидела бы мертвого ребенка. Она обожала королевскую дочку и говорила, что любит ее как родную.

Сперва Леонард намеревался закончить работу *на месте* — так гораздо меньше риска. Но, взглянув на лежавшую на кровати Хельгу, которой предстояло вскоре пробудиться ото сна, он принялся искать мешок. В комнате такового не нашлось. Королевское дитя растили в роскоши и кормили с золотых ложек, ее колыбелька, стоявшая целое состояние, была застлана атласом и тончайшими кружевами, усыпанны-

ми жемчугами. Полки в детской заставлены замысловатыми игрушками, для которых малышка была еще слишком мала. Вдоль стены размещались комоды с огромным количеством одежды, большую часть которой девочка просто не успела бы надеть, поскольку быстро выросла бы из нее.

В детской не было коек для нянь. Им не полагалось спать на работе, и именно по этой причине о принцессе заботились две женщины. Каждая имела маленькую комнатку, смежную с детской, где можно было спать в свободное время и нянчить собственных детей. В углу детской Леонард увидел гору подушек всевозможных размеров, которые, вероятно, использовались, когда малютке позволяли резвиться на полу. Леонард вытащил снизу самую большую, распорол наволочку по шву и вытряхнул набивку. Потом он проделал в наволочке три маленьких отверстия для воздуха — это требовалось для осуществления его замысла.

Не теряя времени даром, он уложил девочку в наволочку, правда, очень бережно, чтобы не разбудить. Ей было четыре месяца и, если бы она проснулась, то наверняка заплакала. А Кастнеру еще нужно было пройти через большой холл и узкий коридор, чтобы достичь лестницы, ведущей к боковой двери, сквозь которую он проник в покои, а потом проскользнуть мимо двух стражников. Ничего сложного, если малышка не закричит.

Прошлой ночью он закрепил веревку на задней крепостной стене, которая выходила на противоположную от города сторону. Свою лошадь оставил неподалеку в тени деревьев. Леонард продумал все это заранее, поскольку на ночь ворота крепости запирались на прочные засовы и тщательно охранялись, так что требовался иной путь отступления. Но была на крепостных стенах еще одна опасность. Хотя Лубиния и не воевала, несколько стражников по ночам обходили укрепления.

К счастью, ночь выдалась безлунная. Внутренний двор освещался фонарями, что было кстати — они создавали

тени, в которых Леонард мог прятаться, пока торопливо пересекал открытое пространство. Без приключений добравшись до крепостной стены, он вскарабкался наверх по узкой лестнице. Стражники находились на противоположной стене. Малышка по-прежнему спала. Еще несколько секунд, и Леонард покинет крепость. Пришлось привязать импровизированный мешок к поясу, потому что требовалось задействовать обе руки, чтобы спуститься по веревке. Во время спуска наволочка качнулась, слегка коснувшись стены. Изнутри раздалось попискивание, но негромкое, так что никто, кроме самого похитителя, ничего не услышал.

Наконец он был в безопасности, усевшись в седло на лошади. Мужчина сунул мешок за пазуху. Оттуда больше не раздавалось ни звука. Каствнер во весь опор помчался по Альпийским предгорьям и скакал, пока не рассвело. Остановился он только на открытой лужайке, вдали от селений, недосыгаемый для посторонних глаз и преследователей. Время пришло: он сделает свое дело быстро и чисто. Каждый день после того, как ему сказали, в чем будет заключаться его работа, он точил нож, которым собирался воспользоваться.

Вытащил сверток из-под куртки, достал ребенка, сбросил наволочку на землю. Одной рукой он держал спящую малышку, другой — вынул кинжал из-за голенища и приставил лезвие к тонкой нежной шейке. Смерти заслуживало не это невинное дитя, а тот, кто заплатил Леонарду. Но у Каствнера не было выбора. Он всего лишь орудие в чужих руках. Если не он, то кто-то другой сделает это. По крайней мере, он сумеет проделать это как можно безболезненней.

Леонард колебался секундой дольше, чем следовало.

Девочка, лежащая на сгибе его локтя, проснулась. Она посмотрела ему прямо в глаза... и улыбнулась.

Глава первая

Длинное лезвие рапиры согнулось, когда Алана с силой вдавила его кончик в грудь стоявшего перед ней человека. Удар мог быть смертельным, если бы не защитные куртки на толстой подкладке, в которые были одеты оба фехтовальщика.

— Тебе следовало сделать этот выпад еще три минуты назад, — проворчал Паппи, снимая маску, что позволило девушке увидеть неодобрение в глубине его холодных голубых глаз. — Что так отвлекает тебя сегодня, Алана?

«Выбор пути», — подумала она. Разумеется, она рассеянна. Как она может сосредоточиться на тренировке, когда мысли заняты совсем другим? Ей предстоит принять жизненно важное решение. Из трех совершенно разных направлений, стоявших перед ней, каждое имело свое особое преимущество. А время почти истекло. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. Откладывать решение больше нельзя.

Дядя всегда серьезно относился к урокам фехтования. Сейчас был неподходящий момент говорить о выборе, с которым она столкнулась. Так или иначе, ей необходимо обсудить все с Паппи, она сделала бы это гораздо раньше, но в последнее время он казался чем-то очень озабоченным. Это на него не похоже. Когда Алана спрашивала, что случилось, он только улыбался и отвечал, что все хорошо. И это тоже было не в его характере.

Ей удавалось скрывать собственную обеспокоенность до сегодняшнего дня. Правда, дядя научил ее сдерживать эмоции. Все минувшие годы он учил ее многим странным вещам...

Подруги Аланы называли ее дядю чудаком: подумать только, он учит племянницу пользоваться оружием! Но девушка всегда защищала его право быть другим. В конце концов, он ведь не англичанин. Так что подругам не стоило сравнивать его со своими соотечественниками! Она даже лишилась нескольких приятельниц из-за того, что Паппи настаивал на ее разностороннем образовании. Но эта потеря была для нее несерьезной. Та заносчивая девушка, которая жила по соседству, была прекрасным примером легкомыслия. При первой встрече с ней Алана упомянула о своих недавних открытиях и о своем восхищении математикой.

— Вы рассуждаете, как мой старший брат, — пренебрежительно произнесла девица. — Что вам и мне нужно знать о мире? Нам достаточно уметь вести хозяйство. Известно ли вам, как это делается?

— Нет, но я могу пронзить рапирой подброшенное яблоко прежде, чем оно упадет на землю.

Они так и не подружились. Невелика потеря. У Аланы было множество других подруг, восхищающихся ее необычайной образованностью и не придающих значения тому, что она, как и Паппи, иностранка, хотя всю жизнь прожила в Англии и считала себя англичанкой.

Паппи — не настоящее имя дяди, так звала его Алана в детстве, потому что представляла себе, будто он ее отец, а не дядя. Сама она была среднего роста, и он был не намного выше нее. И хотя ему перевалило далеко за сорок, на его лице не появилось морщин, свидетельствующих об этом, а его каштановые волосы оставались такими же темными, какими были всегда.

В действительности его звали Мэтью Фармер, это чисто английское имя, что было довольно странно из-за его сильного иностранного акцента. Он был одним из многих европейских аристократов, которым пришлось покинуть континент с началом Наполеоновских войн, чтобы начать новую

жизнь в Англии. Он привез с собой племянницу, а других родственников у него не было.

Ее родители умерли, когда она была совсем маленькой. Трагически погибли на войне, в которой сами не участвовали. Решили навестить в Пруссии бабушку Аланы по материнской линии, получив известие, что она умирает. Но по дороге туда их застрелили фанатичные приверженцы Франции, принявшие их за врагов Наполеона. Паппи полагал, что это произошло из-за их аристократической внешности, а крестьяне считали всех аристократов врагами Франции. Он не знал подробностей, и его печалили разговоры на эту тему. Когда она была маленькой, он так много рассказывал о ее родителях, что у нее появилось чувство, будто она сохранила о них настоящие, живые воспоминания.

Сколько Алана себя помнила, брат ее отца всегда был ее опекуном, учителем, компаньоном, другом. В нем было все то, что она хотела бы видеть в отце, и она любила его как родного. То, что произошло с ее родителями, ужасно, но она всегда была благодарна Паппи за то, что именно он ее вырастил.

Благодаря дядиному богатству жизнь Аланы была полна привилегий и невероятных возможностей. Список ее учителей был настолько длинным, что девушка давно потеряла им счет. Каждый учил ее чему-то одному и оставался в доме всего несколько месяцев. Леди Аннетт была единственной, кто задержался дольше. Обедневшая молодая вдова, вынужденная искать работу, была нанята Паппи, дабы обучать Алану всему тому, что должна знать и уметь леди. Позже он продлил ее пребывание в качестве дуэньи, так что Аннетт была частью семьи вот уже девять лет.

Занятия Аланы стали еще более интересными, когда ей исполнилось десять и началось обучение боевым искусствам. Паппи сам учил ее, как обращаться с различным оружием.

В тот день, когда он привел ее в комнату, полностью освобожденную от мебели, со стенами, увешанными рапирами, кинжалами и пистолетами, она вспомнила слова, сказанные им очень давно. Он полагал, что девочка еще маленькая и все равно их не запомнит:

— Раньше я убивал людей. Больше я этим не занимаюсь.

Алана знала, что дядя сражался в войнах, которые Наполеон развязал по всей Европе; тех самых, из-за которых им пришлось бежать в Англию. Но как-то странно это прозвучало. В тот день, когда он вложил рапиру в ее руку, она спросила:

— Вот этим оружием ты убивал?

— Нет, но я тренировался, чтобы овладеть всеми видами оружия. То, что у тебя в руках, требует немалых упражнений, большой ловкости, быстроты реакции, сообразительности и хитрости, так что владение им дает огромное преимущество. А тебе лично рапира позволит держать на расстоянии мужчин, которые посчитают, что могут схватить тебя и подчинить своей силе. Очень важно соблюдать дистанцию, вне зависимости от того, какое оружие есть под рукой.

— Но, возможно, мне никогда не придется защищаться?

— Нет, чтобы защищаться, ты будешь носить не шпагу. Для этого ты освоишь пистолет.

Фехтование было просто упражнением, нужным для того, чтобы сохранять форму. Это она понимала. И стала с нетерпением ожидать тренировок с Паппи, которые приобрели для нее особое значение. В отличие от некоторых других наставников, он всегда был спокоен и терпелив с ней.

Аннетт рисковала лишиться работы, осмелившись спорить с Паппи о новом увлечении подопечной. Алана уловила только конец беседы, однажды проходя мимо кабинета Паппи.

— Оружие? Господи боже, она уже и без того дерзка и своевольна, а теперь еще и оружие будет у нее в руках?!

Вы воспитываете ее, как мужчину. И как, по-вашему, я буду это исправлять?

— Я и не прошу вас ничего исправлять, — холодно возразил Паппи. — Я хочу, чтобы вы учили ее, как вести себя в присутствии тех или иных людей. А то, что вы считаете излишней дерзостью и мужским характером, станет ее преимуществом.

— Но это *не подобает* леди, ни в малейшей степени!

Паппи усмехнулся:

— Достаточно того, что вы научите ее хорошим манерам и прочему, что должна знать леди. И имейте в виду: от вас не требуется превращать в леди неизвестно кого. Она и так является леди самого высокого уровня. И я не собираюсь лишать ее надлежащего образования только на том основании, что она женщина.

— Но она подвергает сомнению *все*, чему я пытаюсь ее научить! Совсем как мужчина.

— Я рад это слышать. Я учил ее подходить обстоятельно, даже скрупулезно к анализу любой ситуации. Если что-то кажется ей непонятным, она не отмахивается, а старается разобраться в сути дела. Я хотел бы надеяться, что вы преуспеете в воспитании Аланы, не отвергая того, чему ее уже научили.

На этой реплике, прозвучавшей как предостережение, дискуссия завершилась.

Алана отступила от Паппи и приблизилась к стене, чтобы повесить шпагу. Настало время рассказать о том, что ее беспокоило. Она не могла больше откладывать этот разговор.

— Паппи, мне нужно принять несколько важных решений. Не могли бы мы обсудить их сегодня за ужином или как только я вернусь из приюта?

Не оглядываясь, она знала, что он хмурится. Запрещать ей он не запрещал, но ему не нравилось, когда она ходила

в приют, даже если это *его* приют. В прошлом году она была потрясена, узнав, что Паппи основал это учреждение вскоре после их приезда в Лондон и продолжает поддерживать его. Алана не понимала, почему он никогда не рассказывал ей об этом. Не потому ли, что ее нынешнее обучение должно было превратить ее в леди? Ведь леди не пристало якшаться с оборванцами из трущоб, не так ли?

Но его объяснение прозвучало просто:

— Здесь мне дали новую жизнь, второй шанс. Я чувствовал, что не оправдал доверия. Нужно было вернуть долг, предоставить другим возможность получить такой же шанс на новую жизнь, какой выпал мне. Несколько лет ушло на то, чтобы уяснить для себя, что больше всего в моей помощи нуждаются самые отчаявшиеся — уличные беспризорники.

Что ж, достойная цель. Разве могла она остаться в стороне? Ее решение преподавать в приюте казалось совершенно естественным. Она получила столь разностороннее образование, что была квалифицированнее многих учителей. Кроме того, ей это *нравилось*. Одно из решений, которое она должна принять, относилось к преподаванию в приюте, поскольку эта работа никак не совмещалась с двумя другими направлениями, из которых следовало выбирать.

— Я тоже принял решение, — объявил дядя, стоя за ее спиной. — Никогда не думал, что именно этот день станет столь памятным для тебя, но откладывать разговор больше нельзя. Пойдем в мой кабинет.

Боже правый! Неужели ей придется выбирать из еще большего количества вариантов, чем прежде? Она стремительно обернулась и увидела, каким смущенным выглядел дядя. А вот он не мог видеть настороженности в ее серо-голубых глазах, блестящих в прорезях фехтовальной маски, которую она до сих пор не сняла. *Памятный*, он сказал? Это означало, что есть вещи важнее ее собственного выбора.

Он направился к двери, рассчитывая, что она последует за ним.

— Погоди, Паппи! — окликнула Алана. — Дети приготовили праздник по случаю моего дня рождения. Они огорчатся, если я не приду в приют сегодня.

Дядя заговорил не сразу. Ему пришлось обдумывать свой ответ? Притом что он любит детей не меньше, чем она?

Наконец он сказал:

— Хорошо, но не задерживайся.

И вышел из комнаты прежде, чем она нерешительно кивнула.

Алана машинально сняла маску, защитный жилет и ленту, которой перевязывала свои длинные черные волосы. Смутная тревога охватила ее.

Глава вторая

Праздник в приюте не помог Алане расслабиться и перестать думать о том, что ей предстоит дома. Мало того, детские проказы раздражали ее сегодня настолько, что она даже прикрикнула на Генри Мэтьюса:

— Может, тебе уши надрать?

Генри был одним из ее любимцев. Многие дети в приюте, не знавшие своих настоящих родителей, брали себе фамилию Паппи, с его разрешения, конечно. Генри, который хотел выделяться во всем, выбрал вместо этого имя Паппи.

Генри был не таким, как остальные. Он не просто отличался очень острым умом, быстро схватывая все, чему его учили, но также проявлял и развивал талант, который должен был сослужить ему добрую службу, когда настанет время покидать приют. Он умел вырезать из дерева замечательные вещицы: украшения, людей, животных. Алане он подарил ее собственное изображение. Она так растрогалась в тот день, когда он сунул ей в руки фигурку и убежал в смущении! Позже она отблагодарила Генри прогулкой в Гайд-парке и предложила захватить с собой некоторые из его поделок. Один из уличных торговцев заплатил за них Генри несколько фунтов, и этих денег оказалось больше, чем он когда-либо носил в карманах. Тот случай окончательно убедил паренька в том, что его талант чего-то стоит.

Сейчас она поймала его на том, что он сцепился с мальчишками помладше из-за своей резной поделки. Но на ее угрозу он только нахально улыбнулся:

— Не надерете вы мне уши! Вы слишком добрая.

Да, она была не способна на это. Но у нее имелся метод получше. Она бросила на него разочарованный взгляд.

— Я думала, ты умеешь щедро делиться с теми, кому не так повезло, как тебе.

— И вовсе мне не повезло...

— Ведь ты обещал быть великодушным, — напомнила она.

Генри насупился, но сунул своего игрушечного солдатика маленькому мальчику, который немедленно убежал с подарком.

— Ежели сломает, то я ему шею сверну, — пробормотал Генри.

Алана укоризненно цокнула языком.

— Похоже, нам не мешало бы поработать над твоим отношением к подаркам. Щедрость согреет тебе душу, тем более что ты легко можешь вырезать другую игрушку.

Генри возмущенно взглянул на нее:

— У меня четыре часа ушло на резьбу. Я работал допоздна, а наутро заснул в классе и получил за это нагоняй. А этот поганец спер солдатика из моего сундука. Может, вам стоит научить его не воровать, вместо того чтобы учить меня раздавать свои работы?

Алана удивленно воскликнула и попыталась помешать ему убежать, но Генри был слишком проворен. А она была слишком строга с ним. Стремление помочь не оправдывает ее поведения. Завтра она извинится перед ним, а сейчас пора домой.

Но Генри встретил ее у двери, когда она завязывала свой плащ, и крепко обхватил руками за талию.

— Я не хотел вас обидеть, не хотел! — воскликнул он с отчаянием.

Она погладила его по голове.

— Знаю, и это я должна извиниться перед тобой. Подарок не является подарком, если отдан не по своему желанию. Завтра я верну тебе игрушку.

— Тот малец уже вернул, — отмахнулся Генри, отпуская ее. — Ему просто хотелось позлить меня. Потом он сразу пошел в спальню и бросил солдатика на мою кровать. А это был подарок вам, учительница, к вашему дню рождения. Чтобы та, другая поделка не скучала одна, а?

Она взяла фигурку, которую он ей протягивал. Солдатик был искусно вырезан вплоть до мельчайших деталей. Она усмехнулась:

— Ты видишь меня в паре с солдатом?

— Они отважные. А мужчине нужно много отваги, чтобы...

Она поняла, к чему он клонит, и перебила со смехом:

— Неужели я такая некрасивая, что только отважный мужчина может на мне жениться?

— Дело не в этом, а в том, что у вас вот туточки. — Он похлопал себя по голове. — Женщинам не пристало быть такими умными, как вы.

— Мой дядя считает иначе, настаивает, чтобы я получила всестороннее образование. Ведь мы живем в просвещенный век, Генри. Мужчины уже не такие варвары, какими были раньше. У них открылись глаза.

Немного обдумав услышанное, мальчик сказал:

— Ежели Мэтью Фармер так считает, то, значит, так оно и есть.

Алана подняла бровь:

— И никаких аргументов в поддержку собственного мнения?

— Нет, мэ.м.

Его уверенный ответ заставил ее рассмеяться. Дети боготворили ее дядю. Они никогда не ставили под сомнение то, что он говорил или делал.

Алана взъерошила волосы Генри.

— Я все равно поставлю солдатика рядом с фигуркой девушки. Он будет ее защитником. Ей это понравится.

Мальчик просиял, прежде чем убежать. Похоже, он принял решение за нее, поняла Алана. Как она может бросить преподавание?

Порыв холодного ветра едва не сорвал с нее шляпку, когда она вышла наружу и поспешила к ожидавшему ее экипажу. Хотелось надеяться, что Мэри растопила в нем жаровню. Она была няней Аланы до того, как стала горничной, иногда исполняла обязанности дуэньи, но время шло, и Мэри старела. Она могла бы ждать свою подопечную в здании приюта, но предпочитала тишину экипажа, где можно было без помех заниматься вязанием.

Алана считала, что глупо оставлять экипаж ждать ее у входа. Доставив ее, он мог бы уехать и вернуться к назначенному времени. Но он стоял здесь по настоянию Паппи. Алане никогда не приходилось дожидаться экипажа и не дозволялось покидать дом без сопровождения одного из двух лакеев и какой-нибудь женщины, составлявшей ей компанию.

На протяжении первых шести месяцев преподавания в приюте Алану сопровождала леди Аннетт. Хотя леди Аннетт поддерживала различные благотворительные начинания, она была решительно против того, чтобы Алана давала здесь ежедневные уроки, потому что тогда это была бы уже «работа». Но сама Аннетт привязалась к детям так же сильно, как и Алана, и даже начала проводить занятия в нескольких классах. Похоже, это доставляло ей искреннее удовольствие, пока однажды, выходя из приюта, они не столкнулись с лордом Адамом Чапменом...

— Алана?

«Легок на помине», — подумала она весело.

Лакей, уже открывший дверь экипажа, снова закрыл ее, чтобы Мэри не простудилась, когда Алана обернулась на оклик.

Адам снял перед ней шляпу. Она приветливо улыбнулась. Она всегда чувствовала себя легко в его присутствии

и относила это на счет его дружелюбия и прекрасного чувства юмора.

— Я не забыл, какой сегодня день, — продолжал лорд Чапмен, протягивая ей букет желтых цветов. — Знаменательный день для многих юных леди.

Она предпочла бы, чтобы он не употреблял слово «знаменательный». Это напомнило ей о том, что предстоит дома.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Но, скажите на милость, где вы нашли цветы в это время года?

— У меня есть свои места. — Он загадочно улыбнулся, но тут же рассмеялся и признался: — Моя матушка содержит теплицу, точнее, ее садовники содержат. Ее саму не заставишь ковыряться в грязи даже ради самых прекрасных плодов.

Его родители жили в Мейфейре, но Адам как-то сказал ей, что у него есть своя квартира совсем недалеко от приюта, и раза два в неделю они случайно встречались на улице. Он всегда останавливался, чтобы поболтать с ней, с интересом выслушивал истории о проделках детворы и рассказывал кое-что о своей собственной жизни.

Алана познакомилась с Адамом благодаря тому, что Аннетт знала его еще до своего замужества с лордом Хенсеном. Однажды он шел мимо приюта, когда Алана и Аннетт выходили оттуда, и тепло поприветствовал Аннетт. После Адам постоянно возникал перед ними, стремясь возобновить общение, но, хотя Аннетт была вежлива, ее тон становился холодным и официальным всякий раз, когда они встречались. Она никогда не объясняла, почему ведет себя таким образом, несмотря на расспросы Аланы. А вскоре и вовсе перестала сопровождать Алану во время ее визитов в приют. Впрочем, это обстоятельство не помешало Адаму все равно появляться там.

Алана была польщена, что он обратил на нее внимание. Могло ли быть иначе, если он был так красив и обаятелен?!

Ему было тридцать с небольшим, как и Аннетт, но выглядел он намного моложе.

Алана подумала, что как-нибудь стоит пригласить Адама на обед, чтобы познакомить с Паппи... Но только не сегодня. Она уже несколько раз приглашала его прежде, однако всегда выбирала неудачное время, потому что он уже был куда-нибудь приглашен. Но когда-нибудь, когда-нибудь...

Сейчас же было довольно холодно для беседы на тротуаре, и Мэри, должно быть, тоже подумала об этом, потому что открыла дверцу экипажа, чтобы напомнить Алане:

— Пора ехать, моя дорогая.

— И в самом деле, — согласился Адам и протянул руку, чтобы помочь ей сесть в экипаж, после чего промолвил с беспечной улыбкой: — До следующего раза, когда наши пути пересекутся.

Алана, смеясь, захлопнула дверь. Их встречи всегда казались случайными, однако не являлись таковыми. Он точно знал, в котором часу она покидает приют, и оказывался поблизости именно в это время, чтобы немного поболтать с ней на улице.

Графский сын, выходец из богатой семьи, Адам был молодым человеком того сорта, который, несомненно, вызвал бы одобрение Паппи. И сегодня он подарил ей цветы! Явный знак того, что он готов перевести их отношения на новый уровень. Неужели он просто ждал, пока ей исполнится восемнадцать, чтобы начать ухаживать за ней? Вполне возможно. В прошлом месяце он даже упомянул о *женитьбе*, хотя, скорее всего, речь шла лишь о том, что для него настало время обзавестись семьей. Алана даже не помнила, почему он заговорил об этом, однако именно тогда он стал поводом для ее третьего решения. Или же станет таковым, *если* начнет ухаживать за ней подобающим образом.

Глава третья

Алана редко нервничала. Случалось, она немного волновалась, когда наступал срок появления нового наставника, но все это было чепухой по сравнению с тем, что она испытывала сейчас, следуя по коридору в кабинет Паппи. Что, если Паппи станет настаивать, чтобы Алана продолжала заниматься с леди Аннетт тем, к чему они приступили еще два года назад? Аннетт готовила Алану к появлению в высшем свете Лондона. Она полагала, что Алане будет интересно все то, к чему стремились остальные юные леди ее возраста. Что ж, в свое время Алана действительно *предвкушала* бесконечные балы и званые обеды, где можно познакомиться с потенциальными кавалерами, — но лишь до тех пор, пока не поняла, сколько радости сулят другие возможности, которые прежде не принимались в расчет. У нее в голове не укладывалось, как можно оставить работу в приюте.

Однако она понимала, что эти два мира несовместимы.

— Знаешь, тебе придется прекратить преподавание, — предупредила Аннетт недавно. — Ты провела здесь целый год, что очень благородно с твоей стороны, но это не имеет ничего общего с твоим будущим.

И ее подруга Харриет, младшая сестра одной из приятельниц Аннетт, эхом повторяла то же самое:

— Не думай, что твой муж позволит тебе столь расточительно тратить свое время. Он потребует, чтобы ты находилась дома и занималась воспитанием собственных детей.

Для Аланы это было сложным выбором. Вот почему она обратила внимание на Адама и хотела, чтобы он заявил о своих намерениях более отчетливо. Не потому, что она полюбила его, а потому, что ценила то понимание, с которым он относился к ее привязанности к детям. Он неоднократно выражал свою поддержку. Он не стал бы запрещать ей преподавать и дальше, *если бы* стал ее мужем.

По мере того как она приближалась к кабинету Паппи, ее ноги двигались все быстрее. Генри помог ей принять решение. Да, она нервничала, но только из-за того, что задумал Паппи, а не из-за собственного выбора. Она надеялась, что он не собирается положить конец ее поездкам в приют по причине ее скорого выхода в свет и начала взрослой жизни. Это было единственное, что могло его беспокоить, как считала Алана.

Кабинет Паппи был одной из ее любимых комнат в огромном трехэтажном особняке городского типа. Там было уютно, особенно зимой, когда горел огонь в камине. А еще там было очень светло, потому что комната была угловая, с двумя рядами окон и светлыми обоями кремового цвета, которые контрастировали с более темной мебелью. Алана проводила здесь много вечеров, читая вместе с Паппи книги, иногда вслух. Или же они беседовали. Ему всегда было интересно, насколько она продвинулась в своем обучении.

Паппи ничего не сказал, когда она тихо вошла в комнату. Он сидел не за письменным столом, а в кресле перед камином и хранил молчание, пока она усаживалась в кресло напротив. Взглянув на него, она с изумлением осознала, что он нервничает еще сильнее, чем она сама!

Никогда еще она не видела его в таком состоянии. Что же могло пошатнуть этот незыблемый оплот ее жизни?

Пальцы его рук крепко сжимали колени. Похоже, он не осознавал этого. И избегал встречаться с ней взглядом; его темно-голубые глаза были устремлены в ковер. В его позе

и выражении лица ощущалось огромное напряжение. Алана заметила, что его зубы стиснуты. Вероятно, он пытался выглядеть погруженным в свои мысли, но ее было не провести. Испытывая к дяде любовь, она отбросила свои страхи и попыталась успокоить его, начав с меньшей из своих забот:

— Один молодой человек, который мне нравится, возможно, скоро придет, чтобы просить твоего разрешения ухаживать за мной. Но в этом случае мне пришлось бы отказаться от услуг Аннетт, занятой подготовкой моего выхода в свет. Я все ломаю голову, пытаюсь решить, как это уладить, но...

Она осеклась.

Теперь его сузившиеся глаза смотрели на нее, но выражали они вовсе не то, что она ожидала.

— Кто посмел приблизиться к тебе без моего разрешения, да еще до твоего совершеннолетия?

— Все совершенно благопристойно, — поспешила заверить она. — Мы так часто сталкивались у входа в приют, что стали товарищами — собеседниками на тротуаре, если так можно выразиться. Но недавно он обмолвился, что достиг возраста, когда пора подумать о женитьбе, и у меня создалось впечатление... ну, скорее, предположение... что, говоря это, он думал обо мне.

Паппи вздохнул.

— Значит, ты испытываешь к нему чувства?

— Пока нет, — призналась она. — Он действительно мне нравится, но причина, по которой я могла бы выбрать его, другая. Несмотря на то, что он английский лорд, он не стал бы препятствовать моему преподаванию в приюте. Он даже высказывал свое восхищение моей работой. А я действительно хочу работать там и дальше, Паппи.

Ну вот она и призналась. И затаила дыхание, ожидая дядиной реакции. Но тот лишь снова вздохнул, прежде чем сказать:

— Ты вполне могла бы заниматься этим.

Она возразила:

— Аннетт говорит, что мне придется оставить это занятие, поскольку ни один муж не потерпит этого. Если это правда, то я лучше никогда не выйду замуж.

Она с облегчением услышала его смешок.

— А ты уж и заупрямилась, принцесса? Из-за таких пустяков?

Алана обожала, когда он обращался к ней так ласково. Это позволяло чувствовать себя особенной. Она была рада, что напряжение покинуло ее наставника, хотя она вовсе не считала, что речь идет о пустяках. Они ведь обсуждали переломный момент ее жизни.

Но дядя еще не закончил.

— Полагаю, я должен выразиться яснее, а не просто констатировать тот факт, что ты не обязана следовать примеру большинства, если тебе не хочется. Алана, я пока не намерена отдавать тебя замуж. Плевать на общепринятое мнение. Ты молода, торопиться некуда. И я не готов...

— Потерять меня? — предположила она, когда он внезапно замолчал. — Этого не случится. Но мне *очень* жаль, что мы раньше не касались этого вопроса. У меня такое чувство, словно нам предстоит принять важное решение, причем именно сегодня.

Она хихикнула, испытывая облегчение, но лишь на мгновение. Паппи снова нахмурился. И тут Алана осознала два момента, которые до этого ускользали от ее внимания. Он сказал, что она *могла бы* продолжать преподавание, а не *может* продолжать. А она просто проявила самонадеянность, хотя дядя учил ее никогда так не поступать. Очевидно, он не стал сразу рассеивать ее заблуждение по той простой причине, что оттягивал время, прежде чем сообщить ей нечто важное. Свое собственное решение.

Неуверенно, надеясь, что он ее разубедит, она спросила:

— Но все это может подождать, верно?

— Нет.

— *Почему нет?*

— Я всегда знал, что настанет день, когда мне придется сказать тебе правду. Однако я полагал, что у меня будет больше времени, несколько лет, по крайней мере. Я думал, ты просто выйдешь в свет и будешь развлекаться с подружками, не помышляя о браке. Ты так усердно занималась обучением, и я хотел, чтобы наградой тебе были развлечения и свобода. Я считал, что ты заслужила это. Но я пошел на большой риск, допустив это.

— Какой может быть риск в развлечениях? Они же просто...

— Нет, риск есть и заключается он в том, что, несмотря на мои заверения, что тебе пока еще рано думать о замужестве, какой-нибудь молодой человек может запросто вскружить тебе голову на одном из многочисленных балов. Это поставило бы меня в затруднительное положение, поскольку твой брак слишком важен, чтобы без толку прозябать здесь.

— Здесь? Но ты ведь любишь Англию! Ты растил меня англичанкой. Я всю свою жизнь провела здесь, так где же еще мне выходить замуж? — Она осеклась и охнула: — Не в Лубинии же?

С его стороны возражений не последовало, и это потрясло ее настолько, что она не преминула напомнить:

— Когда я спрашивала тебя о нашей родине, ты уверял, что это отсталая страна с чуть ли не средневековыми обычаями и что нам повезло сбежать оттуда. Ты учил меня никогда никому не рассказывать, откуда мы родом, а говорить, что мы приехали из Австрии, например, так как люди будут смотреть на нас свысока, если узнают, что мы лубинийцы. И я никому не открывала правду, потому что даже тот преподаватель, который рассказывал мне о Лубинии, полностью подтверждал твои слова. Он заверял меня, что

это отсталая страна, дальнейшее развитие которой невозможно из-за ее изоляции. Не станешь же ты настаивать на том, чтобы я вышла замуж *там*, — закончила Алана презрительно.

Паппи покачал головой, но она сразу поняла, что это лишь потому, что он разочарован высказанным ею пренебрежением.

— Это весьма маловероятно, но не нам решать... — Он умолк и взмахнул рукой, словно отмахиваясь от высказанного ею предположения. — Ты меня удивляешь. Неужели твое отношение к родине могло сложиться из-за нескольких пустых фраз?

— Это нечестно! *Ты сам* не хотел, чтобы я считала ее своей страной. Как же еще я могла относиться к ней?

— На то была причина, правда, не та, которую я тебе называл. Но я рассчитывал, что в будущем у тебя сформируется собственное мнение, когда ты узнаешь больше фактов, когда прочитаешь о красоте этой страны и ее культуре, которые с лихвой покрывают некоторые недостатки. Очевидно, я ошибся, не привив тебе некоторую гордость к родине, которой, право, стоит гордиться.

— Наверное... я погорячилась, — пробормотала она, смутившись.

Он улыбнулся ей с легкой укоризной.

— Да, по поводу того, что пока не является предметом обсуждения. Тебе нет необходимости думать о замужестве, которое еще даже на горизонте не маячит. Я упомянул о нем только потому, что предполагал заранее поговорить на эту тему. Но недавно произошло нечто такое, что требует немедленного обсуждения.

Ей не хотелось слушать дальше, поскольку она вдруг инстинктивно поняла, что заставило его изменить решение — ему сообщили, что он умирает. Выходя на улицу, дядя никогда не одевался достаточно тепло, а выходил он весьма

часто — в приют, в винную лавку, которой владел; а раз в неделю, в жару или в холод, непременно брал одного из сирот на особую прогулку. О боже, что за болезнь он подхватил, которая теперь его убивает? Он не выглядит изнуренным, но...

— Я люблю тебя, принцесса. Никогда не сомневайся в этом. Но мы с тобой не семья. И даже не родственники.

Она с облегчением вздохнула. Конечно, новость была обескураживающая, даже шокирующая. Но все оказалось не настолько плохо, как она себе вообразила. Может, она была первой сиротой, которую он приютил? Он помогал очень многим, и нет ничего удивительного в том, что все началось с его желания вырастить ее одну.

— Мне обязательно это знать? — спросила она.

— Это лишь малая часть того, что я собираюсь тебе сказать.

О боже, что-то еще?

— Почему бы нам сначала не пообедать? — поспешно предложила Алана.

Он бросил на нее понимающий взгляд.

— Успокойся и не делай поспешных выводов. Ты же у меня умница.

Она вспыхнула. Дядя всегда учил ее этому. Сначала факты. Интуиция лишь напоследок. А факты он ей предоставил. Просто она не захотела услышать!

Очевидно, он был погружен в свои собственные мысли, потому что заметил:

— На самом деле я решил уединиться, став фермером, еще до того, как мы приехали сюда.

Это признание было настолько неожиданным, что Алана потеряла дар речи. Но, может, он намеренно сбивает ее с толку, чтобы привести в чувство? Это сработало — в определенной степени. Но потом в ее мозгу что-то щелкнуло.

— Ты хочешь сказать, что Фармер — не твоя настоящая фамилия, верно?

— Да. Но когда мы приехали в этот многолюдный город, я понял, что лучший способ спрятаться — это остаться здесь, на виду у всех, так что я отбросил мысли о фермерстве. А вот фамилия Фармер подошла: она была солидной и не звучала на иностранный манер. Она прижилась, как и мы прижились в этом городе. — Он улыбнулся и добавил: — Я честно пытался заняться садоводством и несколько месяцев был вполне доволен такой безмятежной жизнью, а потом бросил.

— Слишком скучно по сравнению с тем, что ты привык делать?

Она подумала о военных действиях, в которых он участвовал на континенте. Алана читала о множестве войн, когда изучала историю Европы.

— Как проникательно с твоей стороны! Что ж, прекрасно. — Он немного помолчал, снова устремив взгляд в пол. — Когда-то я признался тебе, что убивал людей. Тогда ты была еще совсем маленькая. Возможно, ты не запомнила этого, а повторять мне не хотелось.

— Я помню. Зачем ты вообще рассказал мне об этом?

— Ты была прелестным ребенком. Такой милой, любознательной, что я привязался к тебе слишком сильно. То признание должно было послужить преградой, отложиться у тебя в мозгу и заставить побаиваться меня. Но это не сработало. Барьера между нами не получилось. Ты была очень доверчива, а я успел прикипеть к тебе душой. Я люблю тебя так, как если бы ты была моей родной дочерью, которой у меня никогда не было.

— Я испытываю то же самое, Паппи. Ты знаешь.

— Да, но сегодня все изменится.

Тревога вернулась к ней, сделавшись в сто раз сильнее. Боже правый, что он может сказать ей такого, чтобы она перестала любить его? У нее не находилось слов, чтобы спросить напрямик, и мысли лихорадочно неслись по

кругу, но она никак не могла взять в толк, что подразумевал дядя.

Он же не спешил с объяснениями. Лишь сделался еще более задумчивым.

— Знаешь, я не собирался растить тебя таким образом. Для твоей же безопасности я бы предпочел изоляцию, где ты бы научилась быть независимой от окружающих. Но в конечном итоге я не смог лишить тебя нормальной жизни. Ведь это могло оказаться ошибкой, с которой мне пришлось бы жить. Но и теперь крайне важно, чтобы ты никому не доверяла.

— Даже тебе?

— Полагаю, я единственное исключение. Я бы никогда не смог причинить тебе вреда, принцесса. Вот почему ты здесь.

— Что ты имеешь в виду?

Он на мгновение закрыл глаза. Она вспомнила, что он не собирался говорить с ней об этом, но его вынудили какие-то обстоятельства.

Он посмотрел на нее в упор:

— Я говорил тебе, что убивал людей. Я был...

— Ты *сам* только что сказал, что это ложь, — оборвала его она. — Что ты говорил это только для того, чтобы установить между нами дистанцию, хотя это не сработало.

— Нет. Я не сказал, что это ложь, ты просто поняла мои слова так, как тебе было удобно. Но правда заключается в том, Алана, что я убивал людей за деньги. Это было прибыльное занятие, и я преуспел в нем, поскольку не дорожил своей собственной жизнью. Я стал орудием убийства, направленным против других людей, и я никогда не проваливал полученное задание. Моя репутация была безупречной. Немногие наемные убийцы были так же безотказны, как я.

Сознание Аланы не воспринимало услышанное. Он говорит о ком-то другом! Уж не ушибся ли он головой и не по-

Содержание

Пролог.....	5
Глава первая	11
Глава вторая.....	18
Глава третья	24
Глава четвертая.....	35
Глава пятая	45
Глава шестая	52
Глава седьмая.....	59
Глава восьмая.....	67
Глава девятая	73
Глава десятая	78
Глава одиннадцатая.....	84
Глава двенадцатая.....	90
Глава тринадцатая.....	94
Глава четырнадцатая.....	101
Глава пятнадцатая.....	112
Глава шестнадцатая	120
Глава семнадцатая	130
Глава восемнадцатая.....	137
Глава девятнадцатая.....	148
Глава двадцатая.....	152
Глава двадцать первая.....	160
Глава двадцать вторая	168
Глава двадцать третья	172
Глава двадцать четвертая.....	181
Глава двадцать пятая.....	185

Глава двадцать шестая	192
Глава двадцать седьмая	196
Глава двадцать восьмая	203
Глава двадцать девятая	214
Глава тридцатая	222
Глава тридцать первая	227
Глава тридцать вторая	231
Глава тридцать третья	237
Глава тридцать четвертая	241
Глава тридцать пятая	246
Глава тридцать шестая	250
Глава тридцать седьмая	259
Глава тридцать восьмая	268
Глава тридцать девятая	277
Глава сороковая	282
Глава сорок первая	289
Глава сорок вторая	295
Глава сорок третья	300
Глава сорок четвертая	305
Глава сорок пятая	310
Глава сорок шестая	316
Глава сорок седьмая	325
Глава сорок восьмая	330
Глава сорок девятая	337
Глава пятидесятая	345
Глава пятьдесят первая	349
Глава пятьдесят вторая	359
Глава пятьдесят третья	365
Глава пятьдесят четвертая	375

Літературно-художнє видання

Серія «У вогні пристрасті»

ЛІНДСЕЙ Джоанна
Коли править пристрасть
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Ю. В. Леонтієва*
Редактор *О. Є. Пилипенко*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 08.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 9000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «В огне страсти»

ЛИНДСЕЙ Джоанна
Когда правит страсть
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Ю. В. Леонтиева*
Редактор *О. Е. Пилипенко*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 08.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 9000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Дитинство та юність Алани були схожі на казку. Маленька принцеса мала все: розкіш, дорогі прикраси, сукні та прекрасну освіту.

Але зовсім несподівано виявляється, що вона дійсно спадкоємиця трону однієї маленької гірської країни. Більшість придворних вважає Алану самозванкою. Тільки на красеня Крістофа Бекера, мужнього капітана палацової охорони, може поклястися принцеса. Його міцне плече стає опорою для тендітної Алани. Але дівчина ще не знає, що він теж не вірить їй. Щоб вивідати всю правду, Крістоф заманює наївну Алану в тента пристрасті, й вона добровільно здається в цей солодкий полон ...

Линдсей Дж.

Л59 Когда правит страсть : роман / Джоанна Линдсей ; пер. с англ. С. Майдукова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 384 с. — (Серия «В огне страсти», ISBN 978-617-12-5086-4)

ISBN 978-617-12-5031-4

ISBN 978-1-4516-2837-1 (англ.)

Детство и юность Аланы были похожи на сказку. Маленькая принцесса имела все: роскошь, дорогие украшения, платья и прекрасное образование.

Но совсем неожиданно оказывается, что она действительно наследница трона одной маленькой горной страны. Многие придворные считают Алану самозванкой. Только на красавца Кристофа Бекера, мужественного капитана дворцовой охраны, может положиться принцесса. Его крепкое плечо становится опорой для хрупкой Аланы. Но девушка еще не знает, что он тоже не верит ей. Чтобы выведать всю правду, Кристоф заманивает наивную Алану в сети страсти, и она добровольно сдается в этот сладкий плен...

УДК 821.111-31(73)